УДК 327

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2019-4/5-16

Н.Л. Мамаева*

КОМИНТЕРН И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС В КИТАЕ 1920-х гг.

Статья позволяет расширить представления о месте и роли РКП(б), Коминтерна и СССР в начале 1920-х гг. в создании Коммунистической партии Китая (КПК) и формировании основных направлений ее политики. Автором представлен ряд направлений, изучение которых дает более полную картину революционного процесса: создание III Интернационала, значение второго конгресса Коминтерна в развитии коммунистического и национально-государственных движений на Востоке, проведение учредительного первого съезда КПК, роль Коминтерна и СССР в поддержке, в том числе финансовой, национальной демократической революции в Китае, значение и место Коминтерна в реорганизации Национальной партии Китая (Гоминьдан) и ее связей с СССР и Коминтерном, в создании «единого фронта» между КПК и Гоминьданом.

Ключевые слова: Коминтерн, РКП(б), СССР, КПК, Сунь Ятсен, Гоминьдан

The Comintern and the revolutionary process in China in the 1920s.

NATALYA L. MAMAEVA (Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences)

The article expands the understanding of the place and role of the Russian Communist Party (Bolsheviks), the Comintern and the USSR in the creation of the Communist Party of China (CPC) and the formation of the main directions of its policy in the early 1920s. The author focuses on a number of directions, the study of which gives a more complete picture of the revolutionary process: the creation of the Third International, the significance of the Second Congress of the Comintern in the development of communist and national movements in the East, the holding of the first congress of the CPC, the role of the Comintern and the USSR in supporting national democratic revolution in China, the place of the Comintern in the reorganization of the National Party of China (Kuomintang) and in creation of the alliance between the CPC and Kuomintang.

Keywords: Comintern, Russian Communist Party (Bolsheviks), USSR, Communist Party of China, Sun Yat-sen, Kuomintang

С момента создания III Интернационала, первый учредительный конгресс которого состоялся в Москве 2–6 марта 1919 г., развитие международного коммунистического движения

вступило в новый этап, характеризовавшийся бурным развитием национальных и коммунистических движений, активизацией населения и общественных организаций, ростом нацио-

* МАМАЕВА Наталья Леонидовна, доктор исторических наук, руководитель Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: mamaeva_nl@mail.ru

© Мамаева Н.Л., 2019

нального самосознания. Создание III Коммунистического Интернационала (КИ) было неизбежным, поскольку II Интернационал уже не отражал актуальных проблем современности. III Интернационалом были выдвинуты новые идейно-политические направления развития мирового революционного процесса, более адекватные современной ситуации в мире. Второй конгресс III Коммунистического Интернационала предпринял очередной шаг в идейно-политическом размежевании двух течений рабочего движения, а именно в противопоставлении большевизма реформизму, а идеи Советской власти – идее парламентаризма. Одним из важных вопросов стал вопрос о финансировании деятельности III Интернационала. Предложения по сумме несколько раз менялись. В результате, как отражено в телеграмме В.И. Ленина И.В. Сталину от 17 марта 1920 г., тенденция к увеличению финансирования остановилась на сумме в 20 млн. франков или приблизительно в 1 млн. фунтов стерлингов [11, с. 39]. Решалось много организационных вопросов, в частности – распределение сумм финансирования между коммунистическими и лево-социалистическими группами, вопросы передачи денег. Половина всей суммы сохранялась в качестве запасного фонда. Возникающие или уже созданные коммунистические партии обращались в Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала (ИККИ) с просьбами о финансовой помощи на партийные расходы: выпуск газетной продукции, приобретение типографий, налаживание пропагандистской работы и др.

Заседание пленума ЦК РКП(б) от 8 апреля 1920 г. приняло основные положения по подготовке второго конгресса Коминтерна. Утвердили решение: поручить представителям России в ИККИ провести через Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала созыв второго конгресса III Интернационала; начать подготовку к конгрессу; обсудить все вопросы по конгрессу в Политбюро ЦК РКП(б) при участии Зиновьева, Радека, Бухарина, Берзина. набросок указанных выше постановлений было предписано выполнить В.И. Ленину. Как свидетельствует протокол № 18, основным докладчиком по национальному вопросу был назначен В.И. Ленин. Политбюро ЦК РКП(б) решало фактически все вопросы подготовки и проведения второго конгресса Коминтерна, в том числе содержание основных документов,

которые планировалось обсудить на конгрессе и принять для исполнения. В качестве идейно-политической подготовки конгресса использовались выступления и статьи многих руководителей партии, в особенности работа В.И. Ленина «Детская болезнь “левизны” в коммунизме» [11, с. 43–44]. Весьма примечательно для понимания ситуации накануне конгресса, что эта статья была написана В.И. Лениным специально к конгрессу и направлена против левацко-сектантских тенденций в мировом коммунистическом движении. Как показывают документы и материалы, весь ход второго Конгресса Коминтерна, подготовка к нему осуществлялись «при определяющем участии руководителей РКП(б)» [11, с. 44]. Первое торжественное заседание второго конгресса Коминтерна состоялось 19 июля 1920 г. в Петрограде. После вступительной речи Г. Зиновьева, приветственных выступлений зарубежных делегатов и избрания Президиума конгресса был заслушан доклад В.И. Ленина о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала. Затем делегаты переехали в Москву, где с 23 июля продолжались заседания конгресса.

Общая ситуация в Коминтерне характеризовалась развитием тенденции к переоценке уровня революционности и степени готовности европейских партий к социалистическим революциям. Между тем, несмотря на ряд поражений просуществовавших короткое время советских республик в Германии, Венгрии, Литве и ряде других стран, революционный оптимизм в Коминтерне если и убавился, то незначительно. Так, некоторыми товарищами выдвигалась точка зрения, что теперь, после падения Венгерской Народной Республики, дело мировой революции будет решаться на Востоке. Наиболее активно в этом направлении выступал Л. Троцкий. 5 августа 1919 г. в письме в ЦК РКП(б) он писал: «Поскольку Красная Армия на европейских весах сейчас еще не может иметь крупного значения, нужно повернуть маршрут мировой революции на Восток, ибо именно здесь открывается перспектива революционных бурь...» [11, с. 44]. Идея включения Востока в сферу деятельности Коминтерна, не считая высказываний Л. Троцкого, развивалась и уточнялась уже в период, предшествовавший созыву второго конгресса Коминтерна. В докладе В.И. Ленина на конгрессе она получила интерпретацию, оказавшуюся в значительной степени полезной для Китая. Следует отметить, что найти верный

путь Коминтерну было очень сложно по многим причинам. Наряду с поражениями наблюдались и всплески революционности в ряде стран. Так, в телеграмме И.В. Сталину от 23 июля 1920 г. В.И. Ленин писал: «Положение в Коминтерне превосходное. Зиновьев, Бухарин, а также и я, думаем, что следовало бы поощрить революцию тотчас в Италии. Мое личное мнение, что для этого надо советизировать Венгрию, а, может быть, также Чехию и Румынию... [11, с. 54–55]. Очевидно, что подобная оценка мировой обстановки характеризовалась чрезмерными революционными ожиданиями. В связи с противоречивостью событий и наличием сложностей при принятии решений обратим внимание на созыв Коминтерна в Баку первого Съезда народов Востока (1–7 сентября 1920 г.). Из 30 государств для участия в работе съезда прибыло более 2000 делегатов. Съезд продемонстрировал наличие революционного потенциала, а возможно и подъема, что было частично отражено в провозглашении делегатами лозунга «Пролетарии всех стран и угнетенные народы мира, объединяйтесь» [11, с. 45–50]. Левые настроения для данного периода имели под собою определенную, хотя и недостаточную для победы базу, вместе с тем они вызывали опасения, поскольку имели тенденцию чрезмерно быстрого роста и распространения. Важно иметь в виду, что влияние КИ практически сразу же вышло за рамки коммунистического движения. Инициативы Коминтерна в области национально-освободительных и национально-революционных движений¹ изначально нашли благодатную почву. Рост национального самосознания в Китае, проявившийся в ходе патриотического «движения 4 мая» 1919 г., в процессе становления Национальной партии Китая (Гоминьдана), в развитии коммунистического движения, способствовал оживлению общественно-политической жизни страны и создавал основы для плодотворного взаимодействия и сближения международного коммунистического движения

¹ В документах Коминтерна и других организаций наиболее часто встречаются обозначения широких по целям и социальному составу движений как движений национально-освободительных или национально-революционных. Нами подобные движения обозначаются также как национальные, то есть отражающие интересы многочисленных слоев и групп китайского народа. Нередко они имели буржуазно-демократическую окраску, однако характеризовались и определенной спецификой.

с национально-революционным (национальным) движением. Поскольку революционный энтузиазм развивался при отсутствии четкой теоретической базы и опыта руководства мировым революционным процессом, особенно на Востоке, при формировании восточной политики КИ было неизбежно обращение к «методу проб и ошибок», а также к использованию опыта русской революции, о которой в среде китайской интеллигенции и студентов знали хотя и немного, но все же больше, чем о других революциях. Включение восточного направления в общую схему международного коммунистического движения осуществлялось Коминтерном в условиях начавшегося процесса стабилизации мировой капиталистической системы и определенного отхода от состояния революционной эйфории, характерной для коммунистической среды послеоктябрьского периода. Отметим также, что представления о мировой революции и после второго конгресса Коминтерна не составили единой взаимосвязанной системы взглядов уровня научной концепции.

Началом формирования китайской политики Коминтерна можно считать принятие соответствующих решений вторым конгрессом КИ, которые в определенной мере учитывали особенности национально-революционных движений Востока. То есть была заранее проделана подготовительная работа по изучению революционного процесса в восточных обществах, что, безусловно, в значительной степени обеспечило понимание особенностей и специфики революционного процесса в Китае. Отдельные характеристики восточных обществ и национальных движений отражали реалии и способствовали активизации национальных и коммунистических движений в поисках путей модернизации традиционных обществ. Все основные теоретические основы деятельности Коминтерна на Востоке, как рациональные, так и ошибочные подходы, были заложены на втором конгрессе КИ в рамках тезисов по национальному и колониальному вопросам (28 июля 1920 г.), разработанных В.И. Лениным, и дополнительных тезисов по национальному и колониальному вопросам (29 июля 1920 г.), предложенных индийским коммунистом М.Н. Роем. По своей важности для построения восточной политики КИ, прежде всего в отношении Китая, они заслуживают более подробного анализа.

И в тех, и в других тезисах прослеживалась тенденция к выявлению и учету специфики

исторического развития стран Востока: характеристика восточных обществ как полукOLONIALных-полуфеодальных, с многочисленной армией безземельного крестьянства, с размытыми границами классовой дифференциации, с зарождавшимся пролетарским и коммунистическим движением. Была сформулирована, хотя и недостаточно четко, важная для программы национальной революции мысль о многоэтапности революций в колониях и зависимых странах [5, с. 6–14].

Забегая вперед, отметим, что идея специфики исторического развития стран Востока была учтена в конкретной политике КИ в Китае лишь частично. На конгрессе она не получила ясного звучания. Задачи национальных революций интерпретировались под углом зрения задач буржуазно-демократических революций привычного западного образца. Подобный подход учитывал лишь отдельные элементы социально-экономического и политического развития стран Востока, оставляя за рамками многие вопросы исторической специфики традиционных обществ.

Преувеличение значимости тенденции буржуазно-демократической направленности «классического» западного образца сопровождалось недопониманием всей сложности процесса модернизации восточных обществ, призванного решать задачи перехода от одной модели общественного развития к другой. Применительно к Китаю это вело к недооценке устойчивости сложившихся в стране социально-экономических и политических структур, значимости их специфических особенностей, к рождению иллюзии в оценках задач текущего революционного движения как идентичных задачам буржуазно-демократического характера. Данная тенденция в оценках национальной революции характерна главным образом для тезисов по национальному и колониальному вопросам второго конгресса Коминтерна. Однако – и мы обращаем на это особое внимание – при всем своем несовершенстве и противоречивости она тем не менее ориентировала на возможность поэтапного, последовательного развития национальных движений, причем содержание текущего этапа определялось приоритетом национальных (антиимпериалистических) и общеполитических (стабилизирующих политическую ситуацию) задач и руководящими позициями национальных партий.

Тенденция иного плана развивалась в Дополнительных тезисах по национальному и

колониальному вопросам. Дополнительные тезисы, выдвигая для текущего революционного этапа идею руководящей роли «коммунистического авангарда», в сущности содержали установку на перерастание буржуазно-демократических революций в странах Востока в социалистические на текущем революционном этапе. Влияние этой тенденции на формирование китайской политики Коминтерна неуклонно возрастало. И в тезисах, и в дополнительных тезисах содержалась перспективная положительная идея объединения и взаимопомощи пролетарских, коммунистических и национально-революционных движений, их тесного союза с Советской Россией. Вместе с тем, в самой постановке вопросов присутствовали элементы классовой ограниченности и социальной обусловленности. Например, сближение всех прогрессивных сил прямо связывалось с классовыми интересами преимущественно рабочих и крестьян, а здравая идея объединения коммунистического и национального движений на современном этапе рассматривалась как внутренне противоречивая и непрочная. В отличие от тезисов, дополнительные тезисы зафиксировали попытку представить на основе идеи мировой революции конкретный план развития национальных революций, что, конечно, было преждевременно и фактически не учитывало национальных специфик. Не углубляясь в подобного рода подробности, отметим, что в решениях второго конгресса Коминтерна взвешенные оценки национально-революционных движений сочетались с жесткой классовой тактикой использования Коминтерном национальных движений в интересах мировой революции, что было особенно характерно для Дополнительных тезисов по национальному и колониальному вопросам [7, с. 17].

Деятельность КИ на начальном этапе характеризовалась прямым руководством со стороны РКП(б), которая в период становления организационной структуры Коминтерна взяла на себя основные функции по ведению работы в Китае. При этом следует подчеркнуть наиболее активные позиции Сибирского и Дальневосточного отделений РКП(б) в деле создания марксистских кружков по провинциям и в подготовке первого съезда КПК.

На повестку дня у передовых людей Китая встал вопрос о создании китайской пролетарской политической партии, которая руководствуется теорией марксизма. В феврале 1920 г.

Чэнь Дусю и Ли Дачжао – будущие руководители Компартии Китая – начали обмениваться мнениями по поводу создания в Китае подобной партии. В начале 1920 г. Коминтерн принял решение направить своих представителей в Китай для встречи с теми, кто руководил национальным патриотическим «движением 4 мая» 1919 г. В 1919–1920 гг. в Китай прибыли первые представители для установления связей с революционными лидерами Китая, направленные партийным и государственным руководством Забайкалья и Приморья. Однако наиболее активную деятельность при подготовке создания Компартии Китая развернула группа Г.Н. Войтинского, прибывшего в Китай в апреле 1920 г. Члены группы во главе с Г.Н. Войтинским встречались с Ли Дачжао и Чэнь Дусю, рассказывали им о революции в Советской России, о РКП(б), обсуждали вопрос о создании в Китае Коммунистической партии. Эти встречи и беседы сыграли свою роль в последующем создании Коммунистической партии Китая. Организация и деятельность коммунистических кружков в Шанхае, Пекине, Тяньцзине, Ханькоу, Нанкине, Ухани и Цзинани, как свидетельствуют документы, оплачивалась Советской Россией [7, с. 228]², что сыграло колоссальную роль в переходе китайского коммунистического движения «от слов к делу». Нельзя недооценивать финансовую помощь, которую оказывал Коминтерн по ряду важнейших для формирования Коммунистической партии Китая направлений: в издательской сфере, в организации информационно-пропагандистской работы, в организации перевода на китайский язык «Программы Российской коммунистической партии», «Конституции РСФСР», «Кодекса законов о труде», в открытии и поддержке деятельности школы русского языка в Шанхае (1920 г.), в создании системы подготовки Коминтерном революционных кадров для Китая в коммунистических университетах Москвы (в КУТВ, КУТК и в других учебных заведениях. Следует отметить, что относительно свободный на современном этапе доступ российских исследователей к архивным фондам сделал возможным более глубокое и всеобъемлющее изучение финансовой помощи Советской России китайским комму-

нистам при подготовке как первого учредительного съезда КПК (июль-август 1921 г.), так и последующих съездов. Как следовало из корреспонденции представителей ИККИ в первой половине 1921 г. Б.З. Шумяцкого и Г. Маринга, Коминтерн уже на стадии подготовки первого съезда КПК оказывал китайскому комдвижению материально-финансовую поддержку [4, с. 130–131]. В книге И.Н. Сотниковой, вводящей в научный оборот незнакомые прежде архивные документы, отмечается, что финансовая помощь Дальневосточного секретариата Коминтерна китайским коммунистам помимо идейной и организационной работы использовалась и по другим направлениям: как на содержание немногочисленного аппарата КПК, так и на все виды деятельности партии. Расходы по организации I–VII съездов КПК были оплачены Коминтерном. Коминтерн содержал аппарат КПК почти в течение 15 лет [13, с. 231–232].

Если в начале 1921 г. ассигнования из России составляли всего 200 кит. долл., то к концу года сумма достигла приблизительно 17 655 кит. долл.³ Помощь китайским коммунистам оказывалась в критической для Советской России ситуации: помимо тягот Гражданской войны летом 1921 г. начался голод в Поволжье, Приуралье, на Кавказе, в Крыму, на Украине. И хотя в течение 1921–1922 гг. в России голодали 40 млн. человек, для Китая в поддержку КПК продолжали выделяться финансовые средства.

Говоря о значении второго конгресса Коминтерна для развития китайского революционного движения, следует иметь в виду, что его решения значительно опережали процесс становления и развития революционных партий в Китае. КПК в это время еще переживала кружковый период и не была конституирована как партия. Партия Сунь Ятсена – Гоминьдан – находилась в начальном периоде своей реорганизации⁴. Этот факт таил в себе потенциальную возможность неточностей и ошибок в политике Коминтерна в Китае. К началу работы второго конгресса Коминтерна контакты его представителей с революционным движением в Китае еще только зарождались. На втором конгрессе КИ Китай был представлен делегатами функционировавшей в Советской России организации китайских рабочих Лю Цзэжуном и Ань Лун-

² Подчеркнем, что расходы Коминтерна на развитие китайского коммунистического движения практически целиком оплачивались Советским государством. Это положение убедительно представлено в книге И.Н. Сотниковой [13].

³ Эти сведения, представленные китайским историком Ян Куйсуном, цитируются по упомянутой книге И.Н. Сотниковой [13, с. 232].

⁴ Подробнее см.: [6].

хэ, которые на конгрессе имели право совещательного голоса и входили в состав комиссий по национальному и колониальному вопросам. В коротком докладе Лю Цзэжуна, председателя исполкома Центрального организационного бюро китайских коммунистов в России⁵, была представлена достаточно объективная картина внутривосточного положения в Китае [1, с. 148–149]. Констатация докладчиком экономической и политической раздробленности Китая, значительной роли военного фактора в политической жизни, указание на зависимость степени проникновения в Китай империалистического влияния от социально-политической ситуации в стране давали достаточно полное представление об особенностях внутривосточной жизни страны. Содержание доклада Лю Цзэжуна свидетельствовало также о том, что самые общие рекомендации Коминтерна – о стратегии объединения революционных сил в антиимпериалистической борьбе, принятые вторым конгрессом Коминтерна, улавливали потребности данного исторического периода развития Китая.

Эффективность помощи Коминтерна национальному и коммунистическому движениям в стране в перспективе в значительной степени определялась тем, насколько близко сможет подойти Коминтерн к пониманию конкретных потребностей коммунистического и национально-революционного движения как ведущего в ситуации начала 1920-х гг., насколько взвешенно он сможет определить роль и место национального и коммунистического движений на данном этапе развития Китая. При всей своей незавершенности и расплывчатости решения второго конгресса Коминтерна оставались наиболее крупным теоретическим вкладом КИ в разработку теории национальных революций относительно всех последующих программных документов. Они легли в основу широкого диапазона деятельности посланцев Коминтерна, РКП(б) и Советского государства в Китае, которая практически с самого начала не замыкалась на задачах развития коммунистического движения. И этот факт составляет одну из самых ярких специфических характеристик формирующейся изначально политики Коминтерна в Китае. Именно момент сплочения революционных сил, расширения революционной социально-политической базы стал, начиная с

1920-х гг., постоянно действующим фактором развития революционной концепции, формировавшейся силами КИ, КПК и посланцев Коминтерна и Москвы.

Особое место в развитии коммунистического направления занимала активная деятельность *ревбюро*, созданных группой Войтинского совместно с китайскими революционерами [2, с. 35–40, 30–32, 48–53]. С весны 1920 г. началась их планомерная организационно-пропагандистская работа в Китае. *Ревбюро* приобрело типографию в Шанхае, печатало марксистскую литературу и материалы из Владивостока. Значительную роль в деле образования КПК сыграл журнал «Гунчаньдан», издававшийся в Шанхае с ноября 1920 г. Значительное место в работе *ревбюро* в Шанхае принадлежало Русско-китайскому информационному бюро, возглавлявшемуся переводчиком Ян Минчаем, имевшим отделение в Пекине и поставлявшим сведения в 31 китайскую газету. Подобные бюро были созданы в Харбине и Владивостоке.

Как мы уже упоминали, организационно-пропагандистская работа в направлении подготовки созыва первого съезда КПК началась еще до приезда группы Войтинского. При наличии различного рода интерпретаций относительно оргструктуры Коминтерна подчеркнем, что именно *ревбюро* стало первым структурным объединением Коминтерна по работе в Китае. Кроме издательской и пропагандистской деятельности планировалось сплочение разных революционных групп в одну центральную по примеру деятельности ленинской «Искры». 19 июля 1920 г. в Шанхае состоялась известная в исторической литературе общая конференция наиболее активных китайских коммунистов, статус которой вплоть до настоящего времени характеризуется в литературе по-разному. В Китае ряд старых коммунистов, к числу которых относится, как недавно выяснилось, и коммунист-интернационалист Юй Сюсун, считал эту конференцию первым съездом КПК. Большинство коммунистов придерживаются точки зрения о том, что первым съездом КПК является съезд, прошедший в июле-августе 1921 г. Досъездовский процесс создания коммунистических групп продолжился после упомянутой выше общей конференции активных товарищей. Известно, что при участии русских коммунистов произошло оформление пекинской коммунистической группы во главе с профессором Ли Дачжао. Подобные ячейки появились в

⁵ Было создано на II Всероссийском съезде китайских рабочих (18–24 июня 1920 г.).

Тяньцзине, Ханькоу, Нанкине, Ухани, Цзинани и Гуанчжоу. Создавались кружки и без участия русских коммунистов, например, в Чанша и некоторых других городах. Картина объединения кружков с помощью российских коммунистов будет неполной, если не учитывать события, инициированные Секцией восточных народов, образованной в Иркутске при Сиббюро ЦК РКП(б), которая, действуя параллельно работе *ревбюро* в Шанхае, стремилась встать во главе работы по объединению всех кружков и созданию единого коммунистического Центра в Китае. Не вдаваясь в подробности, отметим, что усилия Секции восточных народов не увенчались успехом. Не удалось реализовать их основную идею – созыв предварительного съезда КПК в Шанхае в январе 1921 г.⁶

В марте 1921 г. состоялась предварительная конференция представителей китайских коммунистических групп, в подготовке которой приняли активное участие представители Коминтерна (Б.З. Шумяцкий, Г. Маринг), РКП(б), государственных, военных и внешнеполитических органов, разведки Советского государства.

В июле-августе 1921 г. в Шанхае проходил первый съезд КПК. Активное участие в его подготовке и работе принимал представитель КИ – голландский коммунист Г. Маринг. На съезде присутствовал также уполномоченный ДВСК Б. Никольский.

Подчеркнем еще одну особенность в деятельности Коминтерна в преддверии второго конгресса и сразу после него. В процессе преодоления трудностей становления организационной структуры Коминтерна на Востоке сближение КИ с революционным движением Китая осуществлялось при постоянном взаимодействии РКП(б) с внешнеполитическими, внешнеторговыми, военными ведомствами Советской России в Китае. Связь с такими организациями была очень полезна для КИ, особенно в плане изучения внутреннего положения в стране. Одно из первых сообщений, от 1 сентября 1920 г., в Исполком Коминтерна о ситуации в Китае, в том числе о национально-революционном движении, принадлежало В.Д. Виленскому-Сибирякову, уполномоченному Народного Комиссариата иностранных дел РСФСР на Дальнем Востоке, исполнявшему в то время функции председателя временного бюро Восточноазиатского секретариата Коминтерна с местопребыванием в Шанхае. Как сообщается в

документах, значительная часть корреспонденции от Виленского-Сибирякова направлялась лично В.И. Ленину [2, с. 69–76].

Изучение политики Коминтерна в Китае с необходимостью предполагает активное использование дифференцированного подхода, не ограниченного лишь взаимодействием КИ с китайскими коммунистами, а значит – включение в содержание исследования третьего важного «игрока» – партии Сунь Ятсена Гоминьдан.

Параллельно с подготовкой первого съезда Коммунистической партии Китая Коминтерн решал очень важную задачу, которая заключалась в поиске надежных партнеров для будущей КПК в целях расширения социально-политической базы национальной революции. После второго конгресса Коминтерна партия Сунь Ятсена уже находилась в поле зрения КИ и Советского государства. Известно, с каким воодушевлением в 1918 г. приветствовал Сунь Ятсен победоносную революцию в России и подчеркивал общность освободительных идей русской и китайской революций [3, с. 415; 14, р. 500]. Наибольшее впечатление на китайских революционеров производила миролюбивая внешняя политика Советского государства. И не случайно, что деятельность Сунь Ятсена изначально попала в поле зрения внешнеполитических структур Советской России. Основной поток информации о Сунь Ятсене и его партии аккумулировался по линии Народного Комиссариата иностранных дел (НКВД). Начало этому процессу было положено перепиской Сунь Ятсена с наркомом иностранных дел РСФСР Г.В. Чичериным [3, с. 416; 8, с. 278–281]. Уже с конца 1920 г. от советских представителей в Китае шли оценки Сунь Ятсена и его соратников как основной революционной силы, способной объединить Китай [2, с. 56–62, 45–47, 76–77].

Наиболее полная информация о Гоминьдане исходила от К.Н. Соколова-Страхова, находившегося в 1919–1921 гг. в Китае на нелегальной работе. Несмотря на отдельные эмоциональные характеристики Гоминьдана как «социалистической партии» в его докладе о Кантонском правительстве были представлены взвешенные оценки основных направлений политической деятельности Гоминьдана. Отмечались также специфические черты революционных планов Сунь Ятсена, подчеркивался их общенациональный характер, приверженность партии Сунь Ятсена военному пути объединения страны, использование лидером Гоминьдана

⁶ Подробнее см.: [13, с. 49–53].

выборочного подхода к революционному опыту РКП(б), Коминтерна и КПК [2, с. 61–62]. Формы поддержки деятельности Гоминьдана со стороны Коминтерна и Москвы определялись постепенно. Известно намерение Сунь Ятсена весной 1921 г. заключить с Советской Россией военный договор об оказании Гоминьдану военной помощи. Отказ Советской стороны от ведения боевых действий на стороне Гоминьдана на китайской территории против бэйянских милитаристов четко и аргументировано прозвучал во время визита военной делегации Гоминьдана в Советскую Россию в течение 2 сентября – 29 ноября 1923 г. [7, с. 81–82]. Визит оказал большое влияние на формирование политической программы Сунь Ятсена, одним из результатов визита стало решение РКП(б) и Коминтерна об оказании помощи партии Сунь Ятсена оружием, боеприпасами, военными и политическими советниками, что усилило Национально-революционную армию (НРА) и в результате способствовало победе Гоминьдана, действовавшего в сотрудничестве с КПК, над милитаристскими режимами и объединению, хотя и неполному, всей страны в 1928 г.

Состоявшийся летом 1921 г. третий конгресс Коминтерна не внес принципиальных изменений в его восточную политику. В центре его деятельности по-прежнему оставалась европейская тематика. В контексте тезисов «О мировом положении и задачах Коммунистического Интернационала» подтверждалась идея второго конгресса КИ о необходимости единения революционного движения колоний с пролетарским движением развитых капиталистических стран. Как показало дальнейшее развитие революционного движения в Китае, это был нереалистичный вариант мировой революции. Более интересным был доклад китайской делегации, который хотя и не был заслушан, однако был опубликован в журнале Дальневосточного секретариата КИ [9, с. 321–336]. Некоторые упомянутые в докладе характеристики ситуации в Китае соответствовали реалиям, что, конечно, могло быть использовано Коминтерном при формировании восточной политики. Так, основным противоречием в китайском обществе было названо противостояние автократии национально-революционному и коммунистическому движениям. Подобный подход свидетельствовал о признании определенной специфики традиционного общества и указывал на наличие объективных основ для взаимодействия нацио-

нально-революционного и коммунистического движений. Выдвинутый в докладе тезис о возможности и необходимости заключения в ближайшем будущем временного союза коммунистов с национальной буржуазией в лице партии Сунь Ятсена продемонстрировал теоретическое влияние решений второго конгресса Коминтерна и практические результаты работы представителей КИ и Советского государства в Китае.

Важное место в формировании восточной политики Коминтерна занял Съезд народов Дальнего Востока (21 января – 2 февраля 1922 г.). Его созыв явился результатом деятельности Коминтерна в двух основных потоках революционного движения Востока – коммунистическом и национально-революционном. В духе решений второго конгресса Коминтерна основное внимание на съезде концентрировалось на вопросах временного объединения коммунистических и национальных сил. На съезде имело место широкое представительство коммунистических, национально-революционных организаций и партий, рабочих союзов, общественных демократических организаций Китая, Кореи, Монголии, о-ва Ява, Индии, Якутии, Японии, Бурятии, Калмыкии. Китайская делегация, составившая численно около 1/3 всех участников съезда, включала в себя представителей КПК, партии Сунь Ятсена, Социалистического союза молодежи, рабочих, крестьянских, студенческих, женских, учительских, журналистских организаций из многих провинций и городов Китая [12; 15]. Гоминьдан представляли Чжан Цюбо и Хуан Бихунь. Участие в работе съезда представителей Гоминьдана положило начало официальным контактам Коминтерна с Гоминьданом. Этот съезд, созыв которого было делом далеко не легким, производит сильное впечатление. В течение непродолжительного времени Коминтерну и китайским коммунистам удалось организовать представительный форум и выделить главное направление работы на текущий момент. По сути, был отвергнут вариант мировой революции, ориентировавший на революцию в метрополии (Япония), от свершения которой выстраивалась зависимость возможности революции в Китае.

Было принято второе направление, которое разрабатывалось под углом зрения создания объединенного фронта революционных сил внутри Китая как основы китайской революции, при этом зависимость революции в Китае от революции в Японии отрицалась. Именно

второе направление нащупало верный путь революционного развития, его эффективность и способность к саморазвитию. Приведем некоторые выводы, которые следуют из материалов Съезда народов Дальнего Востока. При всей неопределенности представлений Коминтерна о конкретной форме и программе национальной революции в Китае, к моменту созыва съезда Коминтерну удалось верно определить наиболее вероятного союзника коммунистов в национальной революции в Китае – партию Сунь Ятсена. И второе: начиная со съезда, процесс взаимодействия коммунистического и национально-революционного движения принял для Китая конкретное выражение в развитии контактов Коминтерна и китайских коммунистов с партией Сунь Ятсена. Наряду с этим положительным моментом следует отметить, что знания в Коминтерне о внутриполитической платформе Гоминьдана носили отрывочный и противоречивый характер, что мешало объективной оценке содержания и потенциала партии в те далекие годы. Невниманию Коминтерна к собственно политической программе Гоминьдана, типичному для деятельности Коминтерна в течение всего периода революционного движения 1920-х гг., противостояла более внимательная позиция КИ к программе и деятельности Коммунистической партии Китая.

Отметим также наличие революционного энтузиазма в Гоминьдане, который отразился в докладе деятеля Гоминьдана Чжан Цюбо на съезде. Он завершался следующими словами: «Партии Гоминьдан не по дороге с империалистами, и мы охотнее пойдем с Коммунистическим Интернационалом, чем с милитаристами Китая» [10, с. 199].

Несмотря на противоречивость некоторых рекомендаций съезд создал существенный импульс для объединительных тенденций в национально-освободительном движении Китая, способствовал организационному и идейно-политическому сближению Коминтерна с КПК и с Гоминьданом. Ретроспективный взгляд на политику КИ в Китае позволяет выделить ряд узловых решений Коминтерна относительно Гоминьдана и национальной революции, которые принимались под влиянием и по предложению представителей Коминтерна, работавших в Китае. К их числу прежде всего следует отнести «августовскую инструкцию» ИККИ 1922 г. об «индивидуальном вступлении коммунистов в Гоминьдан при сохранении Коммунистической

партии, которая дает директивы для работы в национальной партии и ведет организационную работу в профсоюзах» [16, р. 345–346]. Сближение Гоминьдана с коммунистическим движением дало толчок к разработке Сунь Ятсеном и Гоминьданом программы выхода страны из кризиса, включая решение вопросов оргстроительства партии, военной политики, пропаганды и внешнеполитической ориентации. Вступление коммунистов в Гоминьдан стимулировало его обновление как в партийном строительстве, так и в идейно-политическом плане.

Роль Коминтерна в реорганизации Гоминьдана особенно наглядно представлена через призму деятельности Г. Маринга, наиболее близко, относительно других деятелей Коминтерна и Москвы, подошедшего к пониманию традиционных черт Гоминьдана, необходимых изменений в его политике и практике [7, с. 35–39]. Функционирование «единого фронта» Гоминьдана и КПК (напомним, что официальное решение о вступлении коммунистов в Гоминьдан было принято только на третьем съезде КПК, ибо недоверие между партиями существовало изначально) осуществлялось в 1920-е гг. в своеобразных формах, вне рамок строго определенной организационной структуры. Составная часть политики «первого сотрудничества» – участие представителей Коминтерна и Советского государства в качестве советников в деятельности Гоминьдана и представителей Коминтерна в деятельности КПК. Существенной характеристикой «первого сотрудничества» выступало то обстоятельство, что оно, с одной стороны, изначально не было равноправным сотрудничеством двух партий, с другой – не получило политического статуса. Наряду с другими причинами эти факторы препятствовали выработке согласованной четкой платформы действий в революционном движении и политической борьбе. Намерению Коминтерна превратить сотрудничество Гоминьдана и КПК в инструмент реальной власти в ходе революционного движения 1920-х гг. не суждено было свершиться в силу ряда причин. Отметим только, что политическая программа Сунь Ятсена на «военный период» «строительства государства» не предусматривала разделения власти Гоминьдана с другими политическими силами. Не удалось также в силу обстоятельств объективного и субъективного характера объединить коммунистическое и национальное движения в постоянно действующий единый поток, хотя в существенных областях в отдельные периоды

энергия двух партий и движений сближалась. Ситуацию в целом можно обозначить как постепенное углубление противоречий между партиями, которое медленно вело к несовместимости моделей революции, разрабатываемых в течение 1920-х гг., с одной стороны – в КПК, при непосредственном участии Г.Н. Войтинского и коминтерновских структур, с другой стороны – Гоминьданом, который после смерти Сунь Ятсена в марте 1925 г. по мере развития Северной экспедиции постепенно начал утрачивать свою лояльность к КПК и усиливать авторитарные стороны своей политической ориентации.

Гоминьдан в своей политике вплоть до VII расширенного пленума ИККИ (22 ноября – 16 декабря 1926 г.) придерживался принципиального программного положения, содержавшегося в тезисах по национальному и колониальному вопросам, принятых вторым конгрессом Коминтерна, допускающих поддержку национально-революционного движения коммунистическим движением без его активного вмешательства в революционный процесс. Между тем, и это необходимо подчеркнуть, уже начиная с четвертого конгресса Коминтерна (ноябрь 1922 г.) параллельно формировалась скрытая от Гоминьдана политика на его переориентацию и на неприемлемую для Сунь Ятсена и Гоминьдана модель революции, которую предполагалось осуществлять через КПК и представителей КИ в Китае. Приведем пример. Кроме открытого для всех основного документа четвертого конгресса КИ – «Общие тезисы по восточному вопросу» – была принята закрытая резолюция «Задачи Коммунистической партии Китая (дополнение к тезисам по восточному вопросу)» [2, с. 149–151; 7, с. 50]. Восточным отделом ИККИ в течение 1923–1927 гг. руководству КПК было направлено немало закрытых документов. Наметки модели, ориентированной на быстрое перерастание буржуазно-демократической революции в некапиталистическую или социалистическую по типу Октябрьской революции в России, содержались, как нами отмечалось, еще в дополнительных тезисах второго конгресса КИ.

Активное включение теоретика мировой революции Н.И. Бухарина и И.В. Сталина в китайскую политику Коминтерна перевело ее на новые рельсы. VII расширенный пленум ИККИ, положив в основу точку зрения Н.И. Бухарина, принял концепцию национальной революции, несовместимую с программой и политикой Го-

миньдана. Модель китайской революции, представленная VII и VIII пленумами ИККИ, не соответствовала не только основным параметрам политической программы и революционной стратегии Гоминьдана периода Северного похода (1926–1928 гг.), но и положениям, зафиксированным в программных документах первого (январь 1924 г.) и второго (январь 1926 г.) съездов Гоминьдана. «Единый фронт» Гоминьдана и КПК (1922–1927 гг.), вокруг которого развивались основные события 1920-х гг., прямо или косвенно связанные с Коминтерном, при всех негативных моментах, связанных прежде всего с гибелью тысяч коммунистов от рук гоминьдановцев, трудно охарактеризовать однозначно. Столь же трудно искать виновных, поскольку в этот период переплелись многочисленные события и направления политического и военного характера. В период существования «единого фронта» китайские коммунисты получили возможность легализации КПК, совершенствовали все направления своей и гоминьдановской партийной работы, в том числе организационной, агитационно-пропагандистской работы в массах, совершенствовали свою практику, участвуя вместе с Гоминьданом в забастовочной антиимпериалистической борьбе. Осуществление Северного похода Национально-освободительной армией (июль 1926 г. – февраль 1928 г.) неразрывно связано с деятельностью коммунистов-политработников в армейских частях и коммунистов-организаторов массового движения в поддержку военного похода, с большой помощью, оказанной военными советниками от СССР во главе с выдающимся полководцем В.К. Блюхером, с поставками оружия для Национально-освободительной армии, главным образом из СССР, в целях усиления армии. Заслуживает отдельного упоминания помощь Коминтерна и СССР Гоминьдану и КПК в проведении Северного похода в специфической форме создания международной атмосферы сочувствия к китайской революции. Многотысячные демонстрации во многих странах мира под лозунгом «Руки прочь от Китая» служили цели мобилизовать общественность против попыток вооруженного вмешательства в события национальной демократической революции.

Идея создания объединенного фронта, инициатором которого был Коминтерн, сыграла свою положительную роль в борьбе революционных сил с милитаристскими группировками, разрушавшими стабильность, поставившими

Китай на грань потери национального суверенитета. Победа Национально-освободительной армии в 1928 г. открывала для Китая новые перспективы.

Взаимодействие КИ и КПК продолжалось в течение всего длительного периода демократической революции в Китае 1920-х – 1940-х гг. Менялись цели, задачи, формы взаимодействия. Однако, несмотря на допущение каждой стороной отдельных ошибок в теории и практике, на противоречивые ситуации, которые невольно создавали то Коминтерн, то КПК, оставалось стабильным взаимное притяжение между Коминтерном и Россией с одной стороны и Компартией Китая с другой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 2-й конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет. Петроград, 1921.
2. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае: документы. Т. 1. 1920–1925. М.: Буклет, 1994.
3. Документы внешней политики СССР. Т. 1. 7 ноября 1917 – 31 декабря 1918 г. М.: Госполитиздат, 1959.
4. К 80-летию образования Компартии Китая: новые документы // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 4. С. 124–134.
5. Коммунистический Интернационал и китайская революция: документы. М.: Наука, 1986.
6. Мамаева Н.Л. Гоминьдан в национально-революционном движении Китая (1923–1927). М.: Наука, 1991.
7. Мамаева Н.Л. Коминтерн и Гоминьдан, 1919–1929. М.: РОССПЭН, 1999.
8. Мировицкая Р.А. Сунь Ятсен о советско-китайских отношениях // Сунь Ятсен. 1866–1986: К 120-летию со дня рождения. М.: Наука, 1987. С. 278–281.
9. Народы Дальнего Востока. 1921. № 13.
10. Первый съезд революционных организаций Дальнего Востока: сборник. Петроград: Исполком Коминтерна, 1922.
11. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943. Документы. М.: РОССПЭН, 2004.
12. Соркин Г.З. Съезд народов Дальнего Востока // Проблемы востоковедения. 1960. № 5. С. 76–86.
13. Сотникова И.Н. Китайский сектор Коминтерна: организационные структуры, кадровая и финансовая политика 1919–1943 гг. М.: Наука – Восточная литература, 2015.
14. Сунь Чжуншань цюаньцзи (Полное собрание сочинений Сунь Ятсена). Т. 4. Пекин, 1981.
15. Шумяцкий Б. Из истории комсомола и Компартии Китая (Памяти одного из организаторов Комсомола и Компартии Китая тов. Чжан-Та-Лая) // Революционный Восток. 1928. № 4–5. С. 213–215.
16. Saich, T., 1991. The origins of the first United Front in China. The role of Sneevliet (alias Maring). Vol. 1. Leiden: Brill.

REFERENCES

1. 2-i kongress Kommunisticheskogo Internationala. Stenograficheskii otchet [2nd Congress of the Communist International. Transcript]. Petrograd, 1921. (in Russ.)
2. VKP(b), Komintern i natsional'no-revolutsionnoe dvizhenie v Kitae: dokumenty. T. 1. 1920–1925 [Russian Communist Party (Bolsheviks), the Comintern and the national revolutionary movement in China: documents. Vol. 1. 1920–1925]. Moskva: Buklet, 1994. (in Russ.)
3. Dokumenty vneshnei politiki SSSR. T. 1. 7 noyabrya 1917 – 31 dekabrya 1918 g. [Documents of Soviet foreign policy. Vol. 1. November 7, 1917–December 31, 1918]. Moskva: Gospolitizdat, 1959. (in Russ.)
4. K 80-letiyu obrazovaniya Kompartii Kitaya: novye dokumenty [On the 80th anniversary of the founding of the Communist Party of China: new documents], Problemy Dal'nego Vostoka, 2001, no. 4, pp. 124–134. (in Russ.)
5. Kommunisticheskii Internatsional i kitaiskaya revolyutsiya: dokumenty [The Communist International and the chinese revolution: documents]. Moskva: Nauka, 1986. (in Russ.)
6. Mamaeva, N.L., 1991. Gomin'dan v natsional'no-revolutsionnom dvizhenii Kitaya (1923–1927) [Kuomintang in the national revolutionary movement of China, 1923–1927]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
7. Mamaeva, N.L., 1999. Komintern i Gomin'dan, 1919–1929 [The Comintern and the Kuomintang, 1919–1929]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)
8. Mirovitskaya, R.A., 1987. Sun' Yatsen o sovetsko-kitaiskikh otnosheniyakh [Sun Yat-sen on Chinese-Soviet relations]. In: Sun' Yatsen. 1866–1986: K 120-letiyu so dnya rozhdeniya. Moskva: Nauka, 1987, pp. 278–281. (in Russ.)
9. Narody Dal'nego Vostoka. 1921. № 13. (in Russ.)

10. Pervyi s'ezd revolyutsionnykh organizatsii Dal'nego Vostoka: sbornik [The first congress of the revolutionary organizations in the Far East: collected documents]. Petrograd: Ispolkom Komintern, 1922. (in Russ.)

11. Politbyuro TsK RKP(b) – VKP(b) i Komintern: 1919–1943. Dokumenty [Politburo of the Central Committee of the RCP (b) – VKP (b) and the Comintern: 1919–1943]. Moskva: ROSSPEN, 2004. (in Russ.)

12. Sorkin, G.Z., 1960. S'ezd narodov Dal'nego Vostoka [The congress of the peoples of the Far East], Problemy vostokovedeniya, no. 5, pp. 76–86. (in Russ.)

13. Sotnikova, I.N., 2015. Kitaiskii sektor Komintern: organizatsionnye struktury, kadrovaya

i finansovaya politika 1919–1943 gg. [The Chinese sector of the Comintern: organizational structures, personnel and financial policies, 1919–1943]. Moskva: Nauka – Vostochnaya literatura, 2015. (in Russ.)

14. 孙中山全集. 第4卷 [Collected works of Sun Yat-sen. Vol. 4]. 北京: 中华书局, 1981. (in Chinese)

15. Shumyatskii, B., 1928. Iz istorii komsomola i Kompartii Kitaya [From the history of the Komsomol and the Communist Party of China], Revolyutsionnyi Vostok, no. 4–5, pp. 213–215. (in Russ.)

16. Saich, T., 1991. The origins of the first United Front in China. The role of Sneevliet (alias Maring). Vol. 1. Leiden: Brill.